

«Все это давно вопиет о живом, понятном для всех языке в богослужении»

Самарские Епархиальные Ведомости, 1912, №23, с.692-696. Цит. по: Кишиневские епархиальные ведомости, 1913, № 14, с. 726 — 729.

В эти дни, погрузившись в работу над одним докладом, продолжаю читать «Кишиневские епархиальные ведомости» с 1867 по 1917 годы. Отсюда и все «заметки на полях», которыми хочется поделиться. Эта статья свящ. Николая Пономарева «О церковно-богослужебном языке» (Самарские епархиальные ведомости, 1912 год, №23, с.692-696) уже публиковалась на страницах журнала «Православная община». Сегодня она мне встретилась и в «Кишиневских епархиальных ведомостях» столетней давности, за 1913 год.

К слову говоря, в самом Кишиневе всего два храма, где служат на церковнославянском. На всех остальных приходах богослужение совершается на понятном всем молдавском языке.

[Елена-Алина Патракова](#)

* * *

«В Самарских Епархиальных Ведомостях помещена весьма интересная статья священника Николая Пономарева «О церковно-богослужебном языке». Мысли о. Пономарева очень оригинальны. Мы приводим статью почти полностью. «Каждому иерею, — пишет автор, — с живой душой, с первых дней поступления в приход приходится замечать, что церковнославянский язык своей непонятностью народным массам мертвит богослужение, ведет к рассеянности и образованию у некоторых своих молитв, состоящих из набора слов, непонятных для богомольца, кои и шепчутся последними, независимо от совершаемого богослужения.

Желая избежать подобных дефектов и достигнуть того, чтобы прихожане «едиными устами и единым сердцем» славилы Бога, я рискнул на всенощном богослужении завести чтение на русском языке: псалма 33-го – «Благословлю Господа на всякое время», шестопсалмия, кафизм, канона, первого часа, апостола на Литургии. Делал сначала так: одну всенощную псалмы читали на русском языке девочки церковно-приходской школы, другую по-церковнославянски ученики земской школы. Прислушался, что говорят прихожане. Заговорили так: «Как девочки хорошо, внятно и понятно читают, сразу видно, что в церковной школе учат хорошо, а у земских учеников ничего не поймешь, зачем их батюшка заставляет читать». Оказалось, народ не понял того, что девочки читают по-русски, оттого все им внятно и понятно, а мальчики по-церковнославянски, оттого им и невразумительно.

Когда я объяснил причину разности чтения, крестьяне крайне удивлялись и заявили: «Чего же ранее-то нам не читали по-русски, а держали в темноте?»

Ни волнений, ни одного голоса в защиту церковнославянского языка. Отсюда – пугание новым расколом, — излишние рассуждения. А русское чтение производило неотразимое впечатление и возбуждало религиозное воодушевление. Как-то невольно отдаешься молитве. Молитвенное настроение народа не оставляло желать лучшего, особенно оно достигало своей высоты, когда о. диакон выходил на средину церкви и около Евангелия начинал речитативом читать канон по-русски. Волны молящегося народа сильно действовали на чтеца, он возбуждался еще более, чтение становилось задушевнее, а это все передавалось невольно молящимся, и чувствовалось, что вот когда церковь едиными устами и сердцем славит Бога. Многие из прихожан и даже заезжих интеллигентов наивно заявляли: «А мы и не знали, что псалмы и вообще церковные чтения хороши».

В селе проживает престарелая псаломщическая вдова. О чтении церковном выражается она так: «Прежде чтение, бывало, не поймешь, а ныне все до одного слова понимаю и даже на старости лет заучила некоторые псалмы наизусть». И действительно, придя от всенощной, вперед пред зажженной лампадой прочитает по-русски псалом 100-й: «Милость и суд буду петь», а потом уже раздевается. Ранее она шептала свои особенные молитвы, а ныне молится общею церковной молитвой.

Как-то к нам ко всенощной попал везде бывалый и довольно развитой подрядчик – строитель церквей. Приехав после в то село, где он строил церковь, заявил священнику: «Ну, батюшка, был я в селе N у всенощной, так там хорошо читают и поют, что насильно заставляют молиться, — вот бы и нам так устроить службу». Священник немедленно приехал ко мне, спрашивает: Как достигли того, что молящиеся в восторге от службы?» Я объяснил: благодаря чтению на русском языке, понятном для богомольцев. Но этому священнику я не советовал вводить русский язык в богослужение, так как я сам лишь делал опыт и разрешения от Епархиальной власти на это не получал.

Многие священники побывали у меня за всенощной, и все в один голос говорили о прекрасном и неотразимом влиянии русского чтения, как на них самих, так и на богомольцев. Но я все-таки совершал дело, неразрешенное Епархиальным начальством, в душе тяготился невыясненностью положения и искал случая объясниться с Преосвященным.

Случай представился. 1911 года 8 сентября Преосвященный Константин недалеко от моего села совершал освящение храма в инородческом (чувашском) селе. Пели три хора: два инородческих – по-чувашски и один – по-церковнославянски, а один диакон инородец говорил некоторые ектении на инородческом наречии. После литургии, за беседой, сопровождавший владыку ключарь собора заметил, что как только диакон инородец начинает говорить ектении на инородческом языке, а инородческий хор поет, то довольно заметно усиливается молитвенное настроение богомольцев и часто кладется крестное знамение. Владыка подтвердил.

Этим обстоятельством я воспользовался и стал говорить: «Раз на инородцев их родной язык в богослужении производит такое неотразимое влияние, то точно так же и русский язык с таким же успехом будет влиять на русский народ». И добавил: «я, Владыко, в некотором роде пред Вами преступник, ибо без Вашего разрешения завел у себя в храме чтения на русском языке». Преосвященный сначала удивился моему заявлению и высказался, что лучше объяснять и переводить прихожанам непонятные слова, чем читать на русском языке. Мною было указано, что трудно и прямо невозможно, особенно при малоразвитости и безграмотности многих прихожан, научить всех церковнославянскому языку, да еще при обилии богослужебного материала. Приведен был в пример один священник, который каждый год переводит для себя слова: «чермнует бо ся дряселуя небо» и обязательно через год забывает этот перевод, а между тем русский язык благотворно действует, как на прихожан, так и всех сторонних, побывавших в храме. Тогда Преосвященный Константин в ответ на мои речи произнес: «Раз вашим прихожанам нравится русский язык в богослужении, вы признаете его полезность, так с Богом, и служите на нем».

Как камень с плеч моих свалились неопределенность и боязнь за введение русского языка в богослужение, и я ныне, к радости прихожан, славлю Бога на родном языке.

Вот живая картина с натуры. Слышали русское чтение в моем храме люди интеллигентные и простой народ, никому оно ухо не резало и не казалось странным, но все свидетельствовали о его необходимости и благотворности. И это при русском переводе с греческими оборотами, со своеобразными расстановками элементов предложения, свойственных византийскому стилю.

А разве не может быть выработан особый церковно-богослужебный стиль в русской речи?! Пора, пора серьезно подумать о назревшей нужде – замене церковнославянского богослужебного языка русским. Сама жизнь, потребность в религиозной осмысленности, необходимость сознательного в молитве общения с Богом – все это давно вопиет о живом, понятном для всех языке в богослужении. Я только при наличии русского языка в богослужении увидел, что наше православное богослужение есть самая лучшая проповедь о всем деле нашего спасения. Оно одно способно и умудрить, и наставить человека на пути к Царствию Божию. В эту великую сокровищницу все великие и святые мужи вкладывали все то, что «к животу и благочестию», и затемнять это, предлагать в неясном и непонятном виде, есть большая и вредная ошибка».